

концепт причинности и их виды в современном языкознании
مفهوم السببية وانوعها في علم اللغة الحديث

م.م سعد جمعة عبد الحسن
جامعة بغداد-كلية اللغات -قسم اللغة الروسية
رقم الهاتف: 07706377117
البريد الالكتروني: Saadjumaa2020@gmail.com

Абдульхасан Саад Джумаа ,
ассистент кафедры русского языка ,
Багдадский университет, Республика Ирак, г. Багдад.
Тел: 07706377117
Электронный адрес: Saadjumaa2020@gmail.com

Аннотация:

В статье рассмотрена когнитивно-языковая сущность категории причины в современном языкознании; представлены определения понятий: 1) категория причинности как такая, которая служит для обозначения необходимой каузальной связи между двумя явлениями, из которых одно (названо причиной) генерирует наступление другого (именуемого следствием); 2) причинно-следственная связь как одна из основных форм взаимообусловленности процессов отражение в языке окружающей действительности, которые фиксируют важнейшую степень человеческого мышления – способность к логическим выводам (умозаключения), формализованных путем построения контрафактической импликации; сделана попытка обосновать, что категория причинности в лингвистике связана с ее когнитивным пониманием как универсальной понятийной категорией бытия человека, выражается в языке с помощью различных способов и средств.

Ключевые слова: когнитивно-языковая сущность, категория причины, категория причинности, причинно-следственная связь.

المخلص:

تتناول المقالة الجوهر اللغوي المعرفي لفئة السبب في علم اللغة الحديث ؛ من خلال البحث يتم استعراض تعريفات للمفاهيم الاتية : 1) فئة السببية ، والتي تعمل على تحديد العلاقة السببية الضرورية بين ظاهرتين ، أحدهما (يسمى السبب) يولد ظهور الآخر (يسمى التأثير) ؛ 2) السببية كأحد الأشكال الرئيسية ، لانعكاس اللغة بالواقع المحيط ، والتي تحدد أهم درجة من التفكير البشري - القدرة على استخلاص استنتاجات منطقية (استنتاجات) ، والتي تتم صياغتها من خلال بناء ضمني مضاد للواقع ؛ كما سعينا في المقالة لإثبات أن فئة السببية في علم اللغة مرتبطة بفهومها المعرفي كمفهوم عام مرتبط بوجود الانسان ، معبرًا عنها بلغة باستخدام طرق ووسائل مختلفة.

الكلمات المفتاحية: الجوهر اللغوي المعرفي ، فئة السبب ، العلاقة بين السبب والنتيجة.

Постановка вопроса в общем виде. Современное языковое бытие, которое отражает бесконечное разнообразие реальности, оказывается, в первую очередь, в сложности его структуры и его элементов, среди которых важное место занимает понятие *категории* (Бондаркою. А, Демьянков.В, Кубрякова.А, Попова.З и др.). С одной стороны, очевидной является важность категорий для человека, а с другой – их обусловленность человеческой природой, поскольку наличие и структура категорий зависят от сознания субъекта, которые их формирует.

Процесс категоризации явлений окружающего мира (как общая способность человеческого мышления) в различных языках объективируется среди прочего в виде лексико-грамматических разрядов слов как знаменательных, так и служебных. Последние также участвуют в конструировании и выражении различных отношений и связей между объектами действительности, основополагающими из которых являются *причинно-следственные*, позволяющие понять онтологическую природу такой сущности, как взаимообусловленность и могут быть обозначены с помощью различных классов слов, в том числе и предлогов (Всеволодова.М).

На сегодняшний день среди исследователей не существует единого взгляда на принципы классификации семантических типов причинных отношений даже в пределах одного языка (Жданова .В, Котвицкая .Е и др.). Это объясняется отсутствием общих принципов типологии причинных значений и определенной субъективностью этой категории. Проблему усугубляет еще и тот факт, что, несмотря на универсальность философско-логического устройства когнитивной деятельности человека, у разных народов наблюдаются различия в языковых обозначениях причинно-следственных отношений. Не совсем ясными остаются также ж такие понятия, как каузативность и причинность, которые вроде бы и являются смежными, но не тождественными. *Каузативность* как одна из важнейших категорий бытия, наряду с временем, пространством, движением и т.д., через свой слишком общекатегориальный характер уже априори может быть названа дефинитивно незавершенной, неоформленной. В то же время ее тесные связи с категорией каузальности, или причинно-следственными отношениями, нуждаются в уточнении в плане установления соотношения между ними и предложной экспликацией в разных языках.

Континуальность мира и фрагментарность каждого языка с ее грамматическими возможностями позволяют сегментировать непрерывную причинно-следственную цепочку явлений на кванты и рассматривать их как самостоятельные фрагменты мышления представителей конкретной этнокультуры, которые имеют свое обозначение, в том числе и с помощью предлогов причины. Предложные конструкции и являются теми квантами причинно-следственной цепи (каузативной), которые содержат в свернутом виде полный цикл каузальных отношений «причина-следствие».

Анализ последних исследований и публикаций. Среди основных исследований и публикаций стоит отметить работы мыслителей прошлого, которые попытались сделать значительный вклад в развитие и разработку вопросов причинности (Аристотель, Гегель, Демокрит, Кант, Лейбниц Платон). В последние десятилетия были опубликованы работы (индивидуальные и коллективные монографии, огромное количество статей), которые касаются проблемы причинности, среди которых работы Баженова. Л, Бунге. М , Вригта. Г (Райта), Дахомова .Б, Доппера. К, Иалетова. Й, Иванова .В, Кравца .А , Маслиевой.О,

Парнюка.М , Таммару.Ю . Стоит сказать, что еще в 80-х гг. XIX ст. мир увидели четыре коллективные многотомные издания по диалектике, где представлены главы по причинности (Бранский. В, Ильин .И, Пахомов. Б, Шептужн .А и др.).

Конечно, интерес к проблеме причинности прослеживается и в иноязычной литературе. Авторы, как правило, отталкиваются от концепции Юма и отчасти Канта. Кроме этого, постоянный интерес возникает к проблеме взаимоотношения причинности и детерминизма (Берофский. Б, Дедров. Б , Кевбрин .Б , Парнюк .М и др.), вопросам развития и внутреннего содержания понятия причинности (Братоев.Е , Мэкки .Дж.). Более того, отдельные авторы изучают проблему причинности в соотношении объекта и субъекта, реализма и феноменализма (Лутнам. Г, Нагель. Э, Потеста.Г, Шлегель. Р). Пристальное внимание уделяется связи причины и следствия.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – рассмотреть когнитивно-языковую сущность категории причины в современном языкознании.

Изложение основного материала. Познание мира и восприятия универсальных категорий бытия является типичным для всех народов. Этот вопрос касается проблемы раскрытия когнитивных механизмов взаимосвязи *языка и мышления* (фон Гумбольдт.В, Демьянков.В, Кубрякова.Е, Потебня .А и др.). Сегодня общепризнанным является тот факт, который постулируется во многих энциклопедических изданиях и сводится к тому, что взаимосвязь между частями речи и философско-логическими категориями имеет общий характер, присущий всем языкам мира и обусловлен содержанием внеязыковой действительности, которая, в конце концов, воспроизводится в сознании носителей разных языков одинаково по общими законами мышления [Фортунатов 2010, с. 76–77, с. 79], но при этом выражается в языках по-разному.

Одной из таких является *категория причины* [Валиева 2015, с. 3], которую считают философской категорией и под которой в лингвистических лексикографических источниках понимают как «генетическую связь между явлениями окружающего мира в процессе их развития, сущность которого заключается в том, что одно явление (причина) [...] порождает другое (следствие)» [Словарь русского языка в 4 томах, с. 457]. А поскольку понимание причинно-следственных отношений в лингвистике опирается на философско-логическую научную традицию, то считаем целесообразным представить краткий исторический обзор этого вопроса для того, чтобы осмыслить процесс эволюции понятия причины и причинности в науковедении в целом и в лингвистике в частности.

Уже общеизвестным является тот научный факт, что представление о причине сформировалось в сознании людей еще в древности в результате их практической деятельности и привлекало внимание философов, начиная с античной Греции. Первую попытку осмыслить понятие причины приписывают Аристотелю, который развил идеи Платона и выделил четыре типа причины: 1) материальную и 2) формальную, 3) действенную (движение) и 4) целевую [Аристотель 1976, с. 70].

Пытаясь решить вечную проблему формы и материи, Аристотель говорил о формальной и материальной причинах. Рассматривая человеческую деятельность, ученый называет причины движения, благодаря которым происходит соединение материй и форм, и отстаивает конечную (целевую) причину, ведь все, что происходит в мире, в природе, направлено на достижение определенной цели [Аристотель 1976]. Эти четыре типа причины Аристотель рассматривает как четыре принципа бытия каждой вещи, которые составляют одно целое, при этом главными причинами философ все же считает формальную и целевую, что является «аспектами одного и того же определяющего телеологического фактора» [Макаров 1982, с. 64]. В телеологическом факторе здесь понимается «первопричина» Аристотеля – целевая причина бытия вообще, источник наличия всех вещей [Гайденко 2000].

Такое определение причины воспринималось европейскими философами к эпохе Возрождения, когда наличие целевой и формальной причин начали отрицать, а для дальнейшего изучения оставили только действенную причину как активное начало.

В частности, Бэкон.Ф. переосмыслил аристотелевское учение о четырех причинах и предложил сосредоточиться на выявлении материальных и действенных причинах, поскольку именно они могут быть точно установлены в практическом изучении природы [Антология мировой философии в 4-х томах 1969, с. 216].

Впоследствии начинается активная разработка идей детерминизма общей причинной обусловленности явлений природы. Понимание материальных и действенных причин как таковых, которые раскрываются в опыте, было углублено Спинозой [Спиноза 1970, с. 375] в концепции универсального детерминизма, которое распространяется на всю сферу природно-человеческой действительности.

Интересна также ж является концепция причины, основанная Юмом. Д, который предложил «общие правила распознавания причин»: причина и действие должны быть смежными в пространстве и времени; причина должна предшествовать действию; между причиной и действием должна быть постоянная связь и др. [Юм 1965, с. 282]. Но в целом его гипотезы относительно понимания причины не были восприняты однозначно, хотя их проверка была в центре внимания современных философских исследований по этой проблематике. Актуальной она остается и на сегодняшний день.

Валиева .Л исследовала по разным философским словарям [Новейший философский словарь 2001; Философский словарь 1980 и др.] вопрос соотношения понятий *причина* и *следствие*. **Причина** – это явление, которое вызывает другое явление, которое и называется **следствием**. Причина предшествует следствию и является основой его возникновения, т.е. причина порождает следствие. Причина также может рассматриваться как некий объект, который влияет на другой объект и вызывает у него изменения. В этом случае следствие – это изменение, которое вызвано объектом [Валиева 2015, с. 7]. В подтверждение этих выводов, обратимся к происхождению значений слов причина и следствие. Слово причина имеет префикс «при» и этимологически связано со словами *чин, оказывать* (др.-рус. поступать – «устраивать, производить, делать») [Толковый словарь русского языка 2007, с. 725, 744, 1093]. Слово следствие в толковых словарях имеет одно из значений «то, что следует из чего-то, результат чего-то, вывод» [Толковый словарь русского языка 2007, с. 895], происхождение которого связано с корнем «след», которое самостоятельно обозначает отпечаток, остаток или сохраненный знак чего-то и т.д. [Толковый словарь русского языка 2007, с. 895].

Научный интерес к проблеме отношений причины и следствия объясняется специфичностью этой категории, которая отражает первоочередную значимость причинных отношений в жизни человека. Благодаря познанию причинной связи явлений в процессе различных видов деятельности, человек приобрел способность предвидеть ход их дальнейшего развития, и, следовательно, «сознательно направлять процесс изменений предметов в соответствии с интересами общества и своевременно предупреждать появление тех явлений, которые могут нанести ущерб этим интересам» [Кондаков 1975, с. 479]. Процесс поиска причины очень важен как в повседневной жизни, так и в научном исследовании, ведь каждый человек пытается найти ответ на вопрос «Почему?».

Наблюдая за чем-то в окружающем мире, человек пытается найти объяснение, причину [Кожокина 2008, с. 150]. Поэтому причина и следствие существуют объективно: отношение между ними называются *причинностью*, или *каузальностью*, или *причинно-следственной связью* [Философский словарь 1991, с. 363].

С философской точки зрения в природе, обществе, мышлении нет явлений, которые не имели бы причин и не порождали бы следствий [Философский словарь 1993, с. 532]. Непосредственно в «Философском энциклопедическом словаре» *причинность*

истолковывается как объективная связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития. Причинность является общей, потому что нет явлений, которые не имели бы своих причин, как нет явлений, которые не порождали бы тех или иных следствий [Философский энциклопедический словарь 1989, с. 511]. Из этого следует, что каждое явление имеет свою причину, и нет беспричинных явлений [Валиева 2015, с. 8].

Исходя из этого, можем говорить о том, что понятие *причинности* является сугубо философской, т.е. научной категорией. Это подтверждает и значение этого слова, приведенное в лингвистическом толковом словаре под редакцией Ожегова.С и Шведовой.Н, где *причинность* (*каузальность*) называют категорией философии, которая служит для обозначения необходимо порождающих связей двух явлений, из которых одно (названо причиной) генерирует наступления другого (именуемого следствием или действием) [Ожегов, Шведова 1999].

Каузальная связь между причиной и следствием проявляется в том, что следствие не просто наступает вслед за причиной, а связано с ней внутренними отношениями. Его генетический характер заключается в том, что структура последствия определенной степени воспроизводит структуру причины. И еще одна существенная характеристика этой связи имеет отношение к асимметричным отношениям между следствием и причиной, но не являются при этом равноправными величинами; одна из них (причина) определяет другую, зависит от первой и является следствием [Комаров 1970, с. 18]. Причинно-следственная связь является одной из основных форм взаимоотношений и обусловленности процессов объективной действительности. Эти отношения фиксируют отражение в языке важнейшего степени человеческого мышления – логического вывода, переход от констатации к логическому мышлению. Именно такое понимание причинно-следственных отношений вызвало научный интерес к их осмыслению в логике, т.е. их логическую интерпретацию.

Формальная логика причинность изучает с позиций методов ее установления. Первые попытки формализовать отношения содержания высказываний достигают работ Г. Фреге, который, введя в математическую логику критерий содержания, сделал первый шаг по сближению проблем математической логики и проблем исследования логической структуры естественного языка [Фреге 1970]. Каузальные отношения Г. Фреге формализует в виде материальной импликации: [Комаров . А 1970, с. 36].

Термин *импликация* интерпретируется как логическая операция, которая образует сложное высказывание из двух высказываний с помощью логической связи. Наряду с материальной импликацией, что трактуется как отношение истинности высказываний, а не как содержательная связь, существует еще и теория так называемой *формальной импликации*, которая учитывает и отношение антецедента (основания) и консеквента (следствия) по смыслу. При этом импликация сама по себе еще не означает ни условной, ни каузальной, ни любой другой содержательной связи, ее значение исчерпывается зависимостью истинного значения сложного высказывания от значения истинности его компонентов.

В логике считается, что содержание имплицативных связей наиболее адекватно передает сложное предложение с союзом «если», которое в синтаксисе определяется как сложноподчиненное предложение с подрядной частью условия. Однако в лингвистических трудах неоднократно говорилось о том, что имплицативная связь не совпадает полностью с условным [Храковский 1996, с. 176], а языковые конструкции частично коррелируют с логическими операциями. Учитывая необходимость разграничения операции логической импликации и выражение языковых отношений, в свое время П. Грайс ввел понятие *коммуникативных импликатур*, которые передают прагматические отношения говорящего [Грайс 1985, с. 220–221].

Различия между языковым выражением отношений обусловленности, к которым относятся и причинно-следственные, или каузальные и операцией логической импликации заключаются в том, что:

– имплицативные отношения могут устанавливаться как между предложениями, связанными по содержанию, так и между теми, где эта связь отсутствует. В лингвистике же отношения обусловленности имеются лишь между связанными содержательно высказываниями [Храковский 1996, с. 29];

– в языке союз «если» используется в конструкциях, для которых критерий истинности / ложности не является существенным. Это высказывание о предстоящих событиях, которые сейчас еще не определены, они не являются ни истинными, ни ложными, а лишь неопределенными [Лукаевич 1995, с. 70].

Условная связь в логике формализована путем построения так называемой контрафактической импликации. А для выражения причинно-следственной связи используется каузальная импликация, которая выражается формулой $A \pm B$, где знак \pm указывает на то, что между высказываниями существует связь по содержанию [Кондаков 1975, с. 241].

Наряду с имплицативной связью существует универсальное логико-грамматическое понятие, которым является умозаключение, формой выражения которого являются конструкции естественного языка. Выбор синтаксической конструкции определяется спецификой умозаключения как формы мышления. В трудах по логическому анализу языка предполагают, что в основе любого умозаключения лежит причинно-следственная / каузальная связь [Кривоносов 1993].

В общем возможность выявления логических операций в выражениях естественного языка связано с вопросом раскрытия когнитивной природы связей языка и мышления, поскольку окружающая действительность отражается в сознании человека в виде различных форм мыслей (суждений, понятий, умозаключений), которые выражаются в каждом языке в зависимости от его грамматической специфики [Кривоносов 1993, с. 3]. В то же время учет логической традиции в изучении языковых явлений, безусловно, требует критического осмысления, в частности, когда исследуются языковые экспликации философских и логических категорий, среди которых и понятия каузальных, или причинно-следственных отношений.

Это дает основания ставить вопрос о языковом статусе причинности. Так, А. Комаров определяет каузальную связь как «лексико-синтагматическую категорию», рассматривая ее на материале немецкого языка [Комаров 1970], другие – как лексическую категорию из-за отсутствия специализированных грамматических средств и наличия причинных союзов, предложно-падежных форм и наречий с причинным значением [Астрова 1961, с. 32]. Однако большинство исследователей считают каузальность грамматической категорией, в частности синтаксической.

Широкий взгляд на эту категорию в лингвистике связан с ее когнитивным пониманием, сторонники которого называют ее *универсальной понятийной категорией бытия человека*, которая выражается в языке с помощью лексических, синтаксических, словообразовательных, морфологических и других средств, формируя функционально-семантическое поле причинности [Тарасова 1998, с. 55].

В связи с этим возникает вопрос выражения каузальности в языке и причинно-следственных связей между внеязыковыми явлениями. Этот вопрос напрямую связано с референцией (как язык соотносится с внешними (внеязыковыми) явлениями).

Причинность является универсальным феноменом, присущим сознанию вообще (и в этом заключается ее когнитивная сущность в широком смысле) и языковом сознании (в узком смысле) многих народов в частности, независимо от уровня сложности языка. Поэтому Сепир. Э отмечал, что речь туземцев, возможно, не имеет такого слова, которое

может передавать смысл философского термина «причинность», однако это не значит, что их речь не способна выражать причинные отношения [Сепир 1993, с. 253–254]. «Причинные отношения, выраженные лишь фрагментарно в современных европейских языках, во многих «примитивных» языках передаются с четкой философской последовательностью» [Сепир 1993, с. 254], т.е. каждый язык, независимо от уровня его развитости или развития сознания народа, который говорит на этом языке, имеет собственную систему способов / критериев и средств для выявления и выражения такого понятия, как причинность.

Анализируя языковое оформление причинных отношений, С. Вендлер пытался отдельно изучить то, что имеет причину и соответствует самой причине. Так, к «первичным элементам онтологии причинных отношений» принадлежат «события (англ. *events*)» и «факты (англ. *facts*)». Ученый подчеркивал, что именно события имеют причины, но слово «событие» в этом случае надо трактовать как «технический термин», ведь то, что имеет причины в повседневной речи, может описываться с помощью других слов: процесс, действие, условие, ситуация и др. Если говорить о самой причине, то С. Вендлер считает, что причина – это не событие, а факт [Вендлер 1986, с. 264–268].

Подобной позиции придерживается и Степанов. Ю, который отмечает, что причиной происшествия является факт. *Факт* – это достоверно известное утверждение о том, что произошло. Факты, соединенные причинной связью, можно проследить, но сами причинные отношения в этих фактах не подлежат непосредственному наблюдению, поскольку их можно выявить только путем умозаключения (о чем говорилось выше) [Степанов 1995, с. 63]. Факты не равнозначны событиям: факт ориентирован на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координатой правды / лжи; событие же сориентировано на то, что происходит в реальном пространстве и времени.

Итак, основным способом идентификации категории причины являются ее фактуальность, что оказывается в пределах семантической оппозиции «порождающее реальное событие – порожденное реальное событие». Выше уже говорилось о том, что «каузальная связь обязательно предусматривает два события: событие причины и событие последствия, которые связаны отношением каузации». Кроме того, каузальная ситуация содержит четыре обязательных компонента: субъект ситуации причины, каузальный признак – субъект ситуации последствия, которая каузируется, и признак, который каузируется [Бессалов 2011, с. 68].

Вторым критерием проявления причинных отношений является степень информативности того или иного языкового выражения причины, связанный с категорией обусловленности, которая является «сложноструктурированным образованием, план содержания которого составляет общее инвариантное значение обусловленности, что вариативно оказывается в более редких семантических категориях причины, последствия, условия, допустимости, а план выражения представляют средства, принадлежащие к разным языковым уровням (лексическому, фразеологическому, словообразовательному, синтаксическому, передтекстовому, текстовому, мегатекстовому)» [Акимова 2012, с. 252].

В лингвистических трудах идет дискуссия вокруг равнозначности компонентов этой категории. Преимущественно обусловленность рассматривают как родовую категорию по отношению к видовым категориям причины, последствия, цели, условия, допустимости, мотивации. Однако, существует также взгляд, согласно которому центральными среди остальных являются причинно-следственные отношения, а другие компоненты – это их модификации. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что на синтаксическом уровне спектр средств выражения причинных отношений шире по сравнению с другими отношениями [Акимова 2012].

Если говорить о когнитивной природе причинности, то суть ее заключается в онтологии обусловленности, потому что причинные отношения являются первичными

среди отношений этой категории, поскольку, во-первых, только их значения могут быть выражены беспредложными и предложно-падежными сочетаниями, глагольными формами, т.е. средствами простого предложения, которое появилось гораздо раньше сложного предложения. Во-вторых, все причинные (и целевые) предлоги являются пространственными по происхождению [Ломтев 1956, с. 68], а условные и допустимые отношения связаны с временными.

При анализе причинных конструкций следует учитывать, что причинные отношения всегда являются трехкомпонентными, которые состоят из 1) указания на определенное явление, 2) причины, что приводит это явление, и 3) следствия, к которому приводит эта причина [Рыбакова 1985, с. 20].

Заметим, что понятие причинности является единым для всех конструкций, однако типов причинных значений может быть несколько, потому что они образуются под влиянием лексического и грамматического значения компонентов этих причинных конструкций [Рыбакова 1985, с. 20]. Всеволодовна М разработала семантическую типологию причинных отношений на почве оппозиции: «человек» – «не человек». В первом сегменте этой оппозиции следует выделить еще оппозицию «лицо» – «социум», а во втором – «природа» – «материальный мир». Для сегмента природа: «живая природа» – «неживая природа» [Всеволодова 2005, с. 60–61].

Сейчас среди исследователей не существует единого взгляда на принципы классификации семантических типов причинных отношений даже в пределах одного языка. Это объясняется отсутствием общих принципов типологии причинных значений и определенной субъективностью этой категории. Проблему усугубляет еще и тот факт, что, несмотря на универсальность философско-логического устройства когнитивной деятельности человека, у разных народов наблюдаются различия в языковых обозначениях причинно-следственных отношений.

Выводы. Подводя итог, приходим к такому выводу, что понимание категории причинности основано на философской научной традиции, которая служит для обозначения необходимой каузальной связи между двумя явлениями, из которых одно (названо причиной) генерирует наступление другого (именуемого следствием). При этом причинно-следственная связь – это одна из основных форм взаимообусловленности процессов отражение в языке окружающей действительности, которые фиксируют важнейшую степень человеческого мышления – способность к логическим выводам (умозаключения), формализованных путем построения контрафактической импликации. Для выражения непосредственно причинно-следственной связи функционирует термин каузальная импликация, которая выражается формулой указывает на то, что между высказываниями существует связь по содержанию. Наряду с этой связью существует универсальное логико-грамматическое понятие, которым является умозаключение, формой выражения которого являются конструкции естественного языка. Выбор синтаксической конструкции определяется спецификой умозаключения как формы мышления, в основе которого и лежит причинно-следственная связь.

Установление логических операций в конструкциях естественного языка раскрывает когнитивную природу связей языка и мышления, поскольку окружающая действительность отражается в сознании человека в виде различных форм мысли (суждений, понятий, умозаключений), которые выражаются в каждом языке в зависимости от ее грамматической специфики.

Список использованной литературы

1. Акимова Э. Н. Категория обусловленности: статус, состав, уровни реализации. *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2012. № 1(15). С. 250-254.
2. Антология мировой философии в 4-х томах / ред.-составитель первого тома и авт. вступит, статьи В.В. Соколов. Москва : Мысль, 1969. Т. I. ч. 1 и 2 : Философия древности и средневековья. 936 с.
3. Аристотель. Сочинения в 4-х томах / под ред. В.Ф. Асмус. Москва : Мысль, 1976. Т. I. 550с.
4. Астрова Л. И. Особенности лексико-грамматической природы предлогов. *Ученые записки МГПИИЯ*. Москва, 1961. Т. 25. С. 31-40.
5. Бессалов А. Ю. Каузальные отношения как часть функционального синтаксиса английского языка. *Вестник Череповецкого государственного университета*. Череповцы, 2011. № 4. Т. 3. С. 66-71.
6. Валиева Л. Г. Каузальность в татарском литературном языке. Казань : ИЯЛИ, 2015. 174 с.
7. Вендлер З. Причинные отношения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка / сост. В. В. Петрова. Москва : Прогресс, 1986. С. 264-276.
8. Всеволодова М. В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) статья третья. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2005. №3. С. 51-78.
9. Гайденок П. П. История греческой философии в ее связи с наукой : учебное пособие для вузов. Москва : ПЕР СЭ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 319 с.
10. Грайс Г. П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 217-237.
11. Кожокина А. В. Знаковость причинно-следственной ситуации. *Вестник Санкт-*

Петербургского ун-та. Серия 9. 2008. Вып. 1. Ч. II. С. 150-153.

12. Комаров А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи (к вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке). Каз. гос. пед. ин-т им. Абая; Алма-Ат. пед. ин-т иностр. яз. Алма-Ата, 1970. 224 с.

13. Кривоносов А. Т. Естественный язык и логика : монография. Москва; Нью-Йорк : Wickersham printing comp., 1993. 318 с.

14. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва : Изд-во МГУ, 1956. 596 с.

15. Лукасевич Я. О детерминизме. *Вопросы философии*. 1995. №5. С. 60-71.

16. Макаров М. Г. Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений. Ленинград : Наука, 1982. 270 с.

17. Рыбакова И. Я. Причинные конструкции современного русского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Ленинград : Ленингр. гос. ун-т им. Жданова. А. А., 1985. 189 с.

18. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке. *Антология мировой философии*. Москва, 1970, Т. 2. С. 349-407.

19. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. *Язык и наука конца XX века*. Москва : РГГУ, 1995. С. 35-73.

20. Сепир Э. Грамматист и его язык : Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва : Издательская группа "Прогресс" "Универс", 1993. 656 с.

21. Тарасова Л. Д. Языковой статус причинной связи. *Филологические науки*. 1998. № 1. С. 50-55.

22. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс Москва : Красанд., 2010. 184 с.

23. Фреге Г. Логические исследования. Томск : Водолей, 1997. [www. hrono. ru/biograf/bio_f/fregeg.php](http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/fregeg.php)

24. Храковский В. С. Условные конструкции (опыт исчисления). Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. *Посессивность. Обусловленность*. Санкт-Петербург, 1996. С. 175-213.

25. Юм Д. Сочинения: в 2-х т. Москва : Мысль, 1965. Т. 1. 847 с.

26. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва : Наука, 1975. 720 с.

27. Новейший философский словарь / сост. и гл. н. ред. Грицунов А. А.. 7-е изд. переработанное и дополненное. Москва : Республика, 2001. 719 с.

28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т русского языка им. Виноградова. В. В. 4-е изд. доп. Москва : Азбуковник, 1999. 944 с.

29. Словарь русского языка в 4 томах / под ред. Евгеньевой .А. П.: Т. 1-4 2-е изд-е. Москва : "Русский язык", 1985-1988. URL: [https://www. slovari. ru/default.aspx?p=240](https://www.slovari.ru/default.aspx?p=240)

30. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Шведова .Н. Ю Москва : ИЦ "Азбуковник", 2007. 1175 с.

31. Философский словарь / под ред. Фролова. И. Т. 4-е изд. Москва : Политиздат, 1980. 444 с.

32. Философский словарь / под редакцией Фролова И. Т. Москва : Политиздат, 1991. 6-е издание, переработанное и дополненное. 560 с.

33. Философский словарь / под ред. Фролова .И. Т. 3-е изд., испр. Минск : Книжный Дом, 2003. 1280 с. (Мир энциклопедий).

34. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Аверинцев С. С, Араб-Оглы Э. А, Ильичев. Л. Ф и др.. 2-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1989. 815 с.